

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИЗНАК ЦВЕТА,
В МАНЬЧЖУРСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Соответствия в лексике тунгусо-маньчжурской и монгольской языковых групп представляют известный интерес в алтайском языкознании, их исследованию посвящены многочисленные публикации. Часть этих соответствий специалисты относят к общеалтайскому корпусу лексики, который, вероятно, указывает на общее генетическое родство этих языков. Часть же лексики, имеющей схождения в алтайских языках, является заимствованиями, проникшими в исследуемые языки в результате длительных контактов. Однако в данном случае будут рассматриваться соответствия, которые могут позволить реконструировать фонетический облик слова, и то, что слово является общим для всех языков алтайской семьи или заимствованием, не влияет на реконструкцию. Исходя из приведенных данных и установленных регулярных фонетических соответствий в различных позициях, можно привести ряд примеров, позволяющих восстановить некоторые фонемы и их качественные характеристики. Данный тезис можно проследить на примерах, приведенных ниже, где признаки 'белый', 'красный', 'зеленый', а также 'светлый-чистый' в маньчжурском и монгольском языках не отличаются ни по своей морфологии, ни по семантической структуре. Более того, как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских языков в приведенных словах выделяется общая корневая морфема. Также в данной работе рассматриваются не только звуковые соответствия в корнях, но и в тождественном словообразовательном суффиксе, который, вероятно, является общим для передачи значения в этих двух языках. Однако в некоторых языках северной и южной подгрупп тунгусо-

маньчжурской языковой семьи произошло разрушение некогда продуктивного аффикса, но наиболее хорошо он сохранился в маньчжурском и монгольских языках. Так, ряд общих маньчжуро-монгольских параллелей лексем, в аффиксах которых, очевидно, гласный в пратунгусо-маньчжурско-монгольском языке восходит к долготу, находит подтверждение в маньчжурском языке. Для монгольского языка в аффиксе *-yan/gen* Н.Н. Поппе восстанавливает первоначальную долгую гласную *-yan/gen* < **kān/kān* [VGAS: 13]. Материал письменного маньчжурского языка позволяет восстановить архаичную форму, очевидно, в виде *-yiyan*, которая является составной и, в свою очередь, членится на *-yi-yan*, ср. ма. *suva-yan* ‘желтый’, чж. *sò-kiāng* ‘id.’; ма. *šan-giyan* ‘белый’, *šan-yan* ‘id.’

Для обозначения указанных цветов используется следующая лексика:

Эвен. *н’бнта-* получать синяк; синеть (*о синяке*); *н’бнтаңи* синяк; шишка; *Ороч.* *н’угза* голубой, синий; зеленый; *Уд.* *н’огзо* синяк; синий; *н’олиуи* зеленый, синий, голубой; *н’оло* зеленоватый, синеватый, голубоватый; *Ульч.* *н’оїзо(н-)* ‘id.’; *Орок.* *н’бгдо* ‘id.’; *Нан.* *н’оңиā* ‘id.’; *Ма.* *н’оваңг’ан* зеленый; зелень (*трав*); *Чж.* *пиоң-giān* голубой [ТМС I: 601-603; Мудрак 137].

Во всех приведенных примерах сохраняется корневая морфема, таким образом, для пратунгусо-маньчжурского языка необходимо восстанавливать форму в виде **п̄п̄и-yiyan*, т.к. палатализованный инлаутный *п̄* устойчиво сохраняется в тунгусо-маньчжурских языках, хотя приобретает заднеязычность перед ныне малопродуктивным аффиксом прилагательных *-yiyan* [Benzing: 90]. В монгольских языках имеются параллели: *ср.-мо.* *поуāп* зеленый; *п.-мо.* *поуоуа(п) ~ поууа(п)* зелень, трава; зеленый; *монг.* *ногоо(н)*; *бур.* *ногоо(н)*; *калм.* *ноһāн* ‘id.’. Таким образом, для прамонгольского языка восстанавливается палатализованный *п̄* в середине слова, который исчезает и дает различные рефлексy (более подробно о рефлексax *п̄* в алтайских языках см. EDAL: 62), поскольку согласно правилам, установленным И.А. Грунтовым [EDAL: 62, 75], инлаутный *п̄* в монгольских языках подвергается велярной ассимиляции. Кроме того, в данном слове необходимо реконструировать аффикс *-yan* с долготой в монгольских языках, т.к. на это указывают данные письменного маньчжурского языка. Развитие, очевидно, происходило следующим образом: **п̄п̄и-* > **п̄п̄и-giyan* > **поуо-уāп* > **поуо-yan* > *поуб̄п̄ ~ поуāп*. Но

первоначальная долгота, как было сказано выше, не сохраняется в монгольских языках (См. также [Санжеев: 674; VGAS: 38, 139; EDAL: 875]).

В другом примере по аналогичной же модели образованы названия, обозначающие красный цвет, для которых также характерна общая корневая морфема. Но в амурской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков (нанайском, ульчском, орокском, ороцком) для передачи этого понятия используют другую корневую основу (сэ ~ сб ~ сү).

Эвенк. *һулама* красный; *Сол.* *үлү*; *Эвен.* *һүлан'а*; *Нег.* *холајин* [*һуларин] 'id'; *Ороц.* *холомукта* виноград (*дикий*); *Уд.* *хулалиги* красный; *Нег.* *фолгæ*: ~ *форгæ*:; *Ма.* *фул'ан*; *Чж.* *fula-gian* 'id' [ТМС II: 343; Мудрак 135].

В письменном маньчжурском данное слово пишется как *ful-yüan*. Данная лексема находит параллели в монгольских языках: *ср.-мо.* *hula'an* 'красный'; *п.-мо.* *ulaγan*; *монг.* *улаан*; *бур.* *улаан*; *калм.* *улāн*; *орд.* *ulān*; *мог.* *ulōn*; *даг.* *xulāṅ* ~ *ulāṅ*; *бао.* *felen, fulan*; *ш.-югр.* *lān*; *монгр.* *fulān*. Н.Н. Поппе в данном слове в аффиксе *yān* также восстанавливает долготу *ср.-мо.* *hula'an* < **pulayān* [IMCS: 31, 61, 88, 97]. См. также: Ramstedt: 206; АКЕ: 14; EAS: 53; KW: 448; Ligeti: 238, 240; АЭ: 54; Старостин: 40, 291.

Лексему со значением *geŋ-giyen* «светлый, чистый» в маньчжурском языке также позволяет восстановить аффикс *-giyen* с последующей палатализацией заднеязычного согласного «g» в маньчжурском языке.

Ульч. *гэгэ(н-)* чистый, прозрачный (*о воде*); ясный (*о небе*); *гэнхунэ* чисто; *Орок.* *гэгдэ(н-)* чистый, прозрачный; *гэгдэнзи* чисто, опрятно; *Нан.* *гэнгиэ* (*гэнги(н-)* ~ *гэнг'э(н-)*, *гэнг'э*) чистый, прозрачный; *Ма.* *гэнг'эн* чистый, светлый, ясный; умный, разумный; *Чж.* *ken-kien* ясный, светлый [ТМС I: 177].

Данное слово имеет лексико-семантические параллели в монгольских языках: *п.-мо.* *gegegen* 'свет; светлость; святой', *мо.* *гэгээ(н)*, *калм.* *гегээн* 'id.'. Сопоставление приведенных вариантов форм показывает, что наиболее архаичная форма может быть обнаружена в тунгусо-маньчжурских языках, или, говоря точнее, в маньчжурском в виде **gengiyen*.

Для обозначения белого цвета в большинстве тунгусо-маньчжурских языков распространено, очевидно, общеалтайское слово **ṣan-yüan*: *Эвенк.* *чалбан* береза; жесь; *чаркй-* побелеть; *Сол.* *сәлбә* ~ *цәлбә* (*чалбән*) береза; *чиБә*, *чиБән* белый; *Эвен.*

ч^албан береза; *Нег.* ч^албан береза; *Ороч.* ч^аба ~ ч^абба(н) [*чалбан] береза; ч^аг^за белый; *Уд.* чалиги, чам биэ белый; чафакт‘ан березняк (*мелкий*); *Ульч.* ч^аг^за(н-) белый; *Орок.* т^адда белый; белизна; снежная пора зайца; т^аг^дад^ума белый; *Нан.* ч^аг^за белый; *Ма.* шан^јан белый; *Чж.* š^аng-kiāng белый.

Данное слово имеет параллели в других алтайских языках: *ср.-мо.* š^аyān белый; *п.-мо.* š^аyan; *монг.* цагаан; *бур.* сагаа(н) ‘id’; *др-тюрк.* š^аqir сивый, пепельно-серый; *як.* н^јялб^ан ~ ž^ялб^ан ~ ч^алб^ан жесть; чакырыас ~ чаккырыас ~ чокуруос белый, белоглазый; *туркм.* ч^ал седой; напиток из верблюжьего молока.

Производная морфема *š^аn- ‘белый’ в тунгусо-маньчжурских языках представлена не равномерно, так, в северной подгруппе с представлением о белом цвете связано название березы или ее коры, причем в составе этого наименования корневая морфема осложнена элементом -l-, образуя морфему *š^аl-.

Интересно отметить, что в лексике, приведенной выше, обнаруживаются рефлексy протоалтайского *ŋ в середине слова, которые надежно реконструируются на материале маньчжурского языка. Сопоставление тунгусо-маньчжурского ŋ и в частности маньчжурского n (<*ŋ), и монгольского γ позволяет уточнить некоторые этимологии. Стоит отметить, что в маньчжурском языке этот заднеязычный согласный отражается также как ŋ, однако, находясь перед другими согласными, не заднеязычными, этот согласный в маньчжурском отражается как n, а перед заднеязычными согласными становится более задним.

Кроме того, необходимо сказать, что в маньчжурском языке происходит потеря гласного в середине слова в открытом слоге, например: ма. š^аngiyan ‘белый’ < *š^аŋa-giyan; ма. geŋgiyen ‘ясный, светлый’ < *geŋgiyen; ŋongiyān < *ŋōŋa-giyan; fulgian < *fula-gian и т.д. Об этом писал И. Бенцинг, который отметил, что на стыке морфем в маньчжурском языке гласные исчезают [Benzing: 19], чему служат подтверждением приведенные выше примеры.

Таким образом, были проанализированы четыре корневых морфемы, связанные в алтайских языках с обозначением цвета ‘белый’, ‘красный’, ‘зеленый’, а также со значением ‘светлый - чистый’. При этом можно отметить, что во всех приведенных примерах надежно реконструируется корневая морфема; также на материале маньчжурского, монгольского и ряда южных тунгусо-маньчжурских языков реконструируется в полной мере словообразовательный аффикс. Кроме того, приведенные примеры

позволяют удачно восстановить в корне сонорный палатализованный *-*ń-*, который имеет различные соответствия в алтайских языках: *-ŋ-* в тунгусо-маньчжурских языках; интервокальному согласному *-ŋ/g-* в монгольских; и, частично, *-y-* (*<*g*) в тюркских [Ramstedt: 117-120, 164-165; VGAS: 72-73; Benzing: 37].

Языки:

бао. баоаньский
бур. бурятский
даг. дагурский
др.-тюрк. древне-тюркский
калм. калмыцкий
ма. маньчжурский
мо. монгольские
мог. могольский
монг. монгольский
монгр. монгорский
нан. нанайский
нег. негиадльский
орок. орокский
ороч. ороцкий
п.-мо. письменный монгольский
пал. праалтайский
сол. солонский
ср.-мо. средне-монгольский
тм. тунгусо-маньчжурские
тув. тувинский
тю. тюркские
уд. удэйский
ульч. ульчский
чж. чжурчжэнский
чув. чувашский
ш.-уйгр. шира-уйгурский
эвен. эвенский
эвенк. эвенкийский
як. якутский

Литература

1. Цинциус В.И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губным “п” и заднеязычным “к” // Алтайские этимологии. Л., 1984.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
3. Мудрак О.А. К вопросу о чжурчженской фонетике // Языки Азии и Африки: Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
4. Поппе Н.Н. Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Сб. статей. Л., 1927.
5. Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
6. Санжеев Г.Д. Маньчжурско-монгольские языковые параллели. ДАН, 1930, № 8-9.
7. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-III. М., 1975-1977.
9. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
10. Ramstedt G.I. Additional of Korean Etymologies. Helsinki, 1954.
11. Benzing J. Die tungusischen Sprache: Versush einer vergleichende Grammatik. Wiesbaden, 1956.
12. Ramstedt G.I. Einfürung in die altaische Schpachwissenschaft. Helsinki, 1957.
13. Starostin S.A., Dybo A. V, Mudrak O.A. An Etimological dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2002.
14. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.
15. Ramstedt G.I. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.
16. Ligeti L. Les anciens elements mongols dans le mandchou//AO. Budapest, 1960. T.X, facs. 3.
17. Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
18. Poppe N. The Primary Long Vowels in Mongolian // Journal de la societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1962.
19. Ramstedt G.I. Studies in Korean Etymologies. Helsinki, 1949.